

дня, что бы не подблизиться съ нами своими познаніями, бесѣдуя съ нами и во вѣбурочное время. Мы можемъ отблагодарить ихъ за все ихъ заботы о насъ—только единственно сердечною своею любовію и благодарностію за все ихъ труды и заботы и молитъ Господа да сохранитъ отъ ихъ для дѣланія добра на *многая лѣта!* Въ заключеніе всеми дружно было тросекратно пропѣто—многая лѣта!

Діаконъ В. Саввинскій.

Нависшая гроза.

Склоненіе тучъ на небосклонѣ служить явнымъ предвѣстникомъ надвигающейся грозы.

И, вотъ, грянулъ громъ... Въ природѣ все замерло и поутихло, лишь слышатся перемѣщающіеся раскаты грозы. Не проливъ благодатный дождь и все въ природѣ обновилося, ожило и зацвѣло, какъ бы снова воротилась благоухающая весна—красы природы.

Жизнь человѣческая не мало имѣетъ общаго съ бездушной природою. И здѣсь бываютъ вѣтры, бури, грозы и дожди, да и сама жизнь сравнивается съ утлою лодкою въ житейскомъ морѣ, управляемой кормиломъ предержавшей власти и, получая, въ грозные дни, устойчивость отъ той же власти, какъ ладья, отъ надежнаго якоря.

Неожиданно для всехъ насъ 17 сего іюля отъ Верховной Власти получило распоряженіе о всеобщей мобилизаціи арміи и флота.

Въ ожиданіи грозы, съ напряженіемъ стали мы слѣдить за склоненіемъ тучекъ на западномъ небосклонѣ Сербіи и Австро-Венгріи.

И почти слѣдомъ же грянулъ громъ: *Германія объявила войну Россіи.*

Затаивъ дыканіе, поминутно крестясь, выслушалъ православный народъ изъ устъ своего Архипастыря въ соборномъ храмѣ 21 іюля Высочайшій манифестъ о семъ чрезвычайномъ событіи для всехъ насельниковъ Св. Руси.

А выслушавъ, вздохнула могучая грудь русскаго народа. И глубокий вздохъ этотъ, силою своею, потрясъ природу во всемъ ея существѣ и пріостановилъ теченіе повседневной жизни...

Застыла жизнь, замерла въ проявленіяхъ повседневной ея сутолоки; забыто все, чѣмъ люди ранѣе того интересовались, о чемъ радовались, или печалились: одно стало у всѣхъ въ мысляхъ,— оставивъ домъ, женъ, дѣтей, свои личныя заботы, *вражду*, спѣшить и спѣшить на призывъ своего Верховнаго Вождя.

На св. дѣло защиты матушки Руси, за ея честь, славу и цѣлостность не потребовалось на этотъ разъ призыва новаго Мишица и нѣтъ въ томъ никакой надобности: Верховному Вождю, какъ избраннику народа, по наслѣдію, времямя Мишина, достаточно было сказать: „иди!“. И пошли: старъ, и младъ, богатый и нищій, знатный и незнатный, оставивъ все и возложивъ печаль свою и упованіе на Господа Бога.

Это ли не проявленіе мощнаго духа русскаго народа?!

Всѣ мы напряженно слѣдимъ за событіями этихъ историческихъ дней и каждый изъ насъ невольно испытываетъ подъемъ патріотическаго чувства. Это чувствованіе не плодъ фантазіи отдѣльныхъ личностей, не иллюзія, а фактъ, совершающійся на виду всѣхъ.

Намъ приходилось наблюдать сборы и проводы въ японскую войну. Въ то время сборы эти и проводы носили какой то игривый характеръ: не на войну, а на пиръ и явное торжество побѣды, казалось намъ, провожали своихъ ратниковъ—съ ивѣнями, музыкой и плясомъ.

— Шанками закидаемъ япону, бахвалились провожаемые, при раскатахъ несмолкаемаго „ура“.

Тщеславіе за свою мощь, а не упованіе на Господа, изъ горькаго опыта пораженія насъ японцами, послужило славнымъ урокомъ. Отсюда невольно думается, что Богъ, милуя, наказалъ насъ, что бы чрезъ это самое наказаніе подготовить къ разумному и сознательному исполненію долга именно для этого времени.

И мы теперь видимъ и убѣждаемся, что когда грянулъ громъ на Западѣ, и засверкала молнія, освѣтившая въ небосклонѣ земного шара готовность всей поднебесной ко всемірной войнѣ, русскій народъ, первѣе всего, поторопился перекреститься. И на призывъ вождя, молча, безропотно, сосредоточенно, забывъ все и вся—идеть твердою стопой. Идутъ сознательно на смерть, коимъ она уготована, не оглядываясь назадъ и не сворачивая ни на право, ни на лѣво.

Не слышно на этотъ разъ ни громкихъ рѣчей о своей силѣ, ни бахвальства о побѣдахъ. Вглядываясь въ загорѣлыя и сумрачныя лица

борцовъ за вѣру, Царя и отечество, читаешь въ глазахъ ихъ—положить душу за други свои. Не наблюдается даже причитаній и слезъ оставляемыхъ женъ и дѣтей. Горе ихъ велико — это безспорно, но онѣ всё по духу и плоти—дѣти своего отечества, а потому и въ ихъ сердцахъ горитъ искра патріотизма; и любовь къ своимъ мужьямъ, братьямъ и дѣтямъ, посему,—онѣ приносятъ на алтарь любви къ отечеству.

Мало также наблюдается раскатовъ громкаго „ура“. Взамѣнъ того частые и продолжительные свистки париходовъ служатъ прощальнымъ привѣтомъ отправляемыхъ на войну. И свистки эти, то продолжительные, то тревожно рыдающіе, шемять душу тоской жгучей, но не заставляютъ рыдать: истинное горе переносится безъ слезъ и рыданій.

Господи! дай намъ слезы, но слезы благодатно-радостныя: дай намъ побѣду и одолѣніе супостатовъ!

Діаконъ *В. Саввинскій.*

Вновь прославленный Святитель Питиримъ, Епископъ Тамбовскій.

Согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, 28 іюля сего года Русская церковь причислила новаго угодника Божія—Епископа Тамбовскаго Питирима—къ лику святыхъ своихъ угодниковъ.

Родина святителя Питирима—городъ Вязьма, Смоленской губерніи. Родился онъ 27 февраля 1644 года. Родители его были люди незнатные, но благочестивые, воспитывались въ страхъ Божиємъ и правилахъ православной вѣры. Прокопій (мірское имя Питирима) въ дѣтствѣ и юности часто бывалъ въ существующемъ и до нашихъ дней Іоанно-Предтеченскомъ монастырѣ, и здѣсь впервые явилось у него стремленіе къ иноческому подвижничеству въ постѣ, трудѣ и молитвѣ. Будучи 21 года, Прокопій поступилъ въ любимый имъ монастырь. Съ первыхъ же дней принялъ онъ на себя съ подобающимъ иноку смиреніемъ всё возлагаемыя на него послушанія, чѣмъ снискалъ себѣ у братіи монастыря всеобщую любовь и расположеніе. Вскорѣ онъ былъ посвященъ въ инокъ съ именемъ Питирима. Черезъ десять лѣтъ пребыванія въ монастырѣ и прохожденія церковныхъ и священническихъ должностей, іеромонахъ Питиримъ избирается руководителемъ всей братіи и возводится въ санъ